

Андреева Е. С., Орлова И. А.

Российский вектор в формировании единого социального и социокультурного пространства на Южном Кавказе

Андреева Екатерина Сергеевна

Стажер Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
Младший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ)
proforg816@yandex.ru

Орлова Инна Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международного и гуманитарного права
Санкт-Петербургский государственный университет
Доцент факультета международных отношений
Кандидат юридических наук, доцент
innaorlova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится анализ феномена «социальное пространство», раскрывается историческая роль России в формировании единого социального пространства на Южном Кавказе, исследуются доктринальные взгляды ученых и политиков Российской Федерации и кавказских государств на процесс формирования социального пространства Закавказья, проводится оценка перспективы влияния ведущих акторов внешней политики на социальное пространство в регионе Южного Кавказа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальное пространство, социокультурное пространство, стратегия Российской Федерации на Южном Кавказе, стратегическое партнерство, интеграция, социальная политика

Andreeva E. S., Orlova I. A.

Russian Vector in the Formation of a Common Social and Socio-Cultural Space in the South Caucasus

Andreeva Ekaterina Sergeevna

Graduate student of Diplomatic Academy Ministry of foreign affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Junior Researcher of Russian Institute for Strategic Studies
proforg816@yandex.ru

Orlova Inna Anatolyevna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
Saint-Petersburg State University
Associative Professor of Faculty of International Relations
PhD in Juridical Science, Associative Professor
innaorlova@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the phenomenon of “social space”, reveals the historical role of Russia in the formation of the unified social space on the South Caucasus, examines the doctrinal views of scientists and politicians of the Russian Federation and the Caucasian states on the process of formation social area in the Caucasus, assesses the prospects of the impact of the leading actors of foreign policy on the social space in the South Caucasus.

KEYWORDS

social space, socio-cultural space, strategy of the Russian Federation in the South Caucasus, strategic partnership, integration, social policy

Политика России на Кавказе обусловлена, в первую очередь, вопросами безопасности. Присоединение закавказских народов к Российской империи имело прогрессивное значение, так как положило конец опустошительным иноземным нашествиям и феодальной раздробленности. Россия способствовала возрождению и развитию их культуры, взаимообогащению культур русского и закавказских народов» [4, с. 6]. Этот социокультурный процесс продолжается и в настоящее время.

В правовых документах термин «общее социальное пространство» содержится в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве от 24 ноября 2014 г. Согласно ст. 3 данного Договора «формирование общего социального и экономического пространства» является одним из основных направлений развития союзничества и стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Абхазия.

Понятие социального пространства в правовой, да, пожалуй, и политической доктрине не получило должного исследования.

В основном, разработками в данной сфере занимаются ученые-социологи. Безусловно, одним из крупнейших исследователей социального пространства является французский ученый-социолог Пьер Бурдьё, который свою концепцию социального пространства изложил в труде «Социология социального пространства» [2, с. 50]. Его определение социального пространства («физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций») [2, с. 50] старательно воспроизводится учеными-социологами во всех последних работах, посвященных проблемам создания и функционирования социального пространства.

Бурдьё отмечает, что «структура социального пространства проявляется... в самых разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства» [2, с. 50].

Содержание единого социального пространства раскрывается учеными-представителями разных наук по-разному. В основном в него включаются следующие элементы:

- равная защищенность прав человека;
- общее понимание истории;
- общие культурные ценности.

Вполне можно согласиться с К. М. Хоруженко в том, что «социальное пространство раскрывается в понятиях, отражающих процессы экономического развития, урбанизации, роста народонаселения, миграции как демографического явления, антропогенного воздействия человека на природу и др.» [10, с. 400–401].

В структуру социального пространства входят культурное, информационное и пр. подпространства. П. Бурдьё отмечает, что «социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.)» [2, с. 54].

В системе социального пространства особая роль принадлежит социокультурному пространству. Оно конституирует, формирует и во многом определяет качественные характеристики пространства социального. Социокультурное пространство

рассматривается «не просто суммой социального и культурного» [9, с. 161]. М. Н. Ремизова обращает внимание на три аспекта социокультурного пространства: во-первых, «социокультурное пространство» — часть социального; во-вторых, «социокультурное пространство» может выступать частью культурного; в-третьих, «социокультурное пространство» имеет границы, очерченные ценностями и нормами, а также взаимодействиями многосвязанных групп, заключающих в себе социальные, культурные, личностные аспекты взаимодействующих участников [9, с. 161]. Построение единого социального пространства возможно лишь на базе единого социокультурного пространства.

Несмотря на то что в Договоре между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г.¹ создание единого социального пространства прямо не указывается среди целей, тем не менее, именно данный договор наиболее явно выражает стремления договаривающихся государств к созданию такого пространства. В Договоре отмечается, что отношения между странами основаны на глубоких исторических и духовных связях, и они переходят на новый уровень межгосударственных отношений, союзничества и стратегического партнерства. Ведущее значение среди положений данного Договора, безусловно, имеют военные аспекты, а именно создание единого пространства обороны и безопасности. Однако (и данный тезис будет раскрываться далее) только военный союз не может полностью обеспечить безопасность субъектов. Создание общей системы безопасности приводит к необходимости формирования и реализации единых социальных программ, среди которых упрощение процедур приобретения гражданами Республики Южная Осетия гражданства Российской Федерации, возможность приобретения российского гражданства без соблюдения условия об отказе от имеющегося у него гражданства Республики Южная Осетия; повышение уровня пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Южная Осетия, до уровня, сопоставимого со средним уровнем пенсионного обеспечения в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации; повышение средней заработной платы работников государственных и муниципальных учреждений до уровня, сопоставимого с уровнем оплаты труда соответствующих категорий работников в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации, а также иные меры в сфере здравоохранения, образования, культуры и пр.

Даже в таком развитом интеграционном объединении, как Европейский Союз создание единого социального пространства — довольно сложный процесс. Как отмечают исследователи, «если формирование единого экономического пространства на территории Европейского Союза успешно завершено, создан единый внутренний рынок, постоянно расширяется зона евро, то есть финансовое пространство, то при строительстве общего социального пространства Европейский Союз еще сталкивается с серьезными трудностями, несмотря на несомненные достижения в социальной сфере и высокий уровень жизни населения» [7, с. 100].

В толковом словаре обществоведческих терминов единое социальное пространство определено как «совокупность территорий ряда стран, в пределах которых проводится согласованная социальная политика, и функционируют унифицированные нормы социальной защиты граждан» [11].

Одним из примеров исторического социального пространства была Российская империя. В настоящее время социальная политика российских правителей оценивается в закавказских государствах неоднозначно. Крайне радикальным является

¹ Текст Договора между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4819> (дата обращения: 21.07.2016).

тезис о «колонизации» Кавказа Россией [3, с. 22–33]. Как справедливо отмечается учеными, такая точка зрения стала активно поддерживаться в современных Азербайджане и Грузии как результат смены историографических парадигм [4, с. 6]. Стоит согласиться с утверждением Э.Г. Вартаньяна: «В принципе, процесс смены историографических парадигм можно считать закономерным, но только при условии, что если ему в жертву не приносятся принципы историзма и объективности, а также, если новая интерпретация исторических событий действительно адекватна известным историческим фактам» [4, с. 6].

Э.Г. Вартаньян отмечает: «В армянской историографии факт присоединения Восточной Армении к России оценивается однозначно как важное событие в истории народа, избавившее его от угрозы физического уничтожения. Армянский народ благодаря вхождению в состав Российской империи получил большие возможности для политического, экономического и культурного развития» [4, с. 15]. Еще в 1718 г. гандзасарский католикос Есаи писал к Петру I: «мы и весь народ армянской просим и вси под кров вашего величества от искренняго сердца, без премены, всею мыслию и чистою совестью по означенной нам воли вашей и обещанию, под державою вашего величества поклониться желаем» [1].

Вхождение Грузии в состав Российской империи проходило по просьбе грузинских царей и в результате заключения договора о вступлении Восточной Грузии под покровительство России (24 июля 1783 г., Георгиевская крепость). Просьба о покровительстве России была вызвана объективной необходимостью. Стало недостаточно военных союзов, которые заключала Грузия и Россия и раньше.

Примеры Грузии и Армении показывают, что военное сотрудничество является важным, но недостаточным элементом создания социального пространства. Военное сотрудничество, безусловно, один из важнейших факторов поддержания безопасности единого социокультурного пространства, однако, безопасность региона нельзя обеспечить только военным компонентом.

В СССР единое социальное пространство получило легитимацию и окончательно оформилось в законодательстве. Будучи добровольным объединением равноправных народом, являясь суверенными государствами (самостоятельными субъектами международного права и политики¹), имеющими правовое основание выхода из СССР², союзные республики развивались в едином пространстве на основе равенства всех народов, с общими правами, обязанностями и гарантиями, в том числе в социальной сфере. Равная социальная защищенность граждан СССР — один из постулатов советского государства.

Общая история, защита единого Отечества во время Великой Отечественной войны способствовали укреплению социальных связей народов России и Кавказа. Согласимся с мнением, что «социальное пространство представляет собой совокупность процессов отношений между людьми. Важным моментом здесь является наличие межиндивидуального взаимодействия»³. Такое взаимодействие наиболее эффективно при наличии единого языка, общего для определенного социального пространства.

¹ Закон от 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г / под ред. к. ю. н. Л.И. Мандельштам. М. : Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 29.

² См. п. 4 гл. 2 «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве» Конституции СССР 1924 г.

³ Щелоков Д.В. Институт государства в социальном пространстве [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2014/Philosophia/2_158412.doc.htm (дата обращения: 21.07.2016).

Русский язык стал государственным языком великой страны, был воспринят всеми ее народами, выступил объединяющей базой социального и культурного пространства СССР. Советские граждане различных национальностей прекрасно владели своим родным языком, который развивался и не ущемлялся в Советском Союзе, а также знали русский язык. Великие произведения писателей и поэтов разных национальностей были написаны ими, в том числе и на русском языке.

И в настоящее время русский язык должен оставаться региональным языком межнационального общения, являясь одной из основ преобразующегося единого социального пространства на территории бывшего СССР, и способствуя возрождению взаимопонимания бывших братских народов. Примечательно, что свою популярность приобретает «Тотальный диктант по русскому языку», который уже неоднократно проводился в Грузии и Армении, а в 2016 г. впервые — в Азербайджане.

Стоит отметить, что важнейшими элементами общего социального пространства являются государства. Функционирование единого социального пространства возможно только на основе согласованной социальной политики, реализуемой субъектами, создающими такое пространство.

Разработке такой политики должна предшествовать социальная идея. Формирование общего социального пространства невозможно без осознания общих ценностей. Социальные ценности являются фундаментом, на котором строится социальное пространство.

На территории бывшего Советского Союза происходит строительство новых социальных государств. Стоит согласиться с теми учеными, которые делают вывод, что даже в Российской Федерации социальное государство лишь строится, его формирование «находится на самом раннем этапе: разработка концепции только начинается» [6, с. 207–208]. Ученые отмечают, что «государственное управление в большинстве случаев осуществляется без реальной опоры на юридическую доктрину, нормативная база — неполная, определены лишь некоторые конституционные обязанности Российского государства в области социальной политики по отношению к его гражданам. Практическая реализация концепции социального государства также вызывает ряд вопросов, так как отсутствуют концептуальный и нормативный элементы» [6, с. 209; 5]. В ряде государств-партнеров Российской Федерации на Южном Кавказе социальное государство находится еще в более неразвитом состоянии.

В настоящее время все государства бывшего СССР в своих основных правовых актах определили себя как социальные государства, однако создание единого социального пространства не есть просто грубая сумма пространств социальных государств.

Необходимо не только заявить о создании единого социального пространства, даже закрепив его в международно-правовых актах, необходимо «наполнить» его соответствующим содержанием.

Создание единого социального пространства потребует и создания социальной правовой базы. Это может быть как унификация в рамках международных соглашений, так и гармонизация национальных законодательств путем создания схожей модели правового регулирования.

Возрождение социокультурного пространства России и государств Южного Кавказа должно стать первой ступенью для создания единого социального пространства в закавказском регионе. Именно Российская Федерация может стать «скрепляющим звеном» в его формировании. Учитывая различные внешнеполитические векторы, на которые ориентируются государства Южного Кавказа, разные религиозные традиции, взаимные претензии друг к другу, вряд ли страны Закавказья

смогут сами создать единое социальное пространство. Без России создание единого социокультурного, а впоследствии, и социального пространства Закавказья невозможно.

Представляется, что Российской Федерации стоит строить вектор своей политики в направлении усиления интеграционного сотрудничества. Например, есть целесообразность в обозначении единого социокультурного проекта «*Кавказское пространство и ЕАЭС*».

Несмотря на то что между Российской Федерацией и Грузией пока не восстановлены дипломатические отношения, возможность интеграции Грузии в ЕАЭС вполне реальна. Российские эксперты и эксперты закавказских государств отмечают, что «популярность евразийской интеграции в грузинском обществе не столько «сохраняется», но даже и растет» [8]. Аналитики приводят следующие цифры: по данным Национального демократического института (США), 31% респондентов (было опрошено 4360 человек) в мае 2015 г. поддержали интеграцию с ЕАЭС [8]. Это объясняют как сохранившимися социокультурными связями, в том числе деятельность диаспоры, так и экономическими.

Создание единого социального пространства на базе основных партнеров России на Кавказе — это необходимый элемент укрепления системы региональной безопасности.

Безопасность включает в себя не только политические, военные, экономические аспекты. Создание подлинной системы безопасности без социального компонента невозможно. Действенной будет лишь такая система, которая понимается и принимается, в первую очередь, гражданами объединяющихся государств.

Из всех государств, которые претендуют на влияние в регионе Южного Кавказа, Россия является единственной страной, которая может, и, как показала история, осуществляла реальную политику мирного сосуществования народов.

19 июня 2009 г. в интервью собственному корреспонденту РИА Новости в Армении Гамлету Матевосяну премьер-министр республики (на момент 2009 г.) Тигран Саркисян на вопрос «что способствует прогрессу экономических связей России и Армении?» ответил: «Я бы выделил несколько основных факторов. Хотя уже не модно об этом говорить, но для меня одним из основных факторов все-таки является единое историческое прошлое наших народов, фактор единой судьбы. Для активного продвижения экономических взаимоотношений, прежде всего, необходимо единое социальное пространство»¹.

Генетическая память народов Кавказа и России до сих пор воспринимает свою историю как единое целое, что, в принципе, должно способствовать эффективно-му социальному строительству.

Литература

1. *Армяно-русские отношения в первой трети XVIII века*. Т. II, ч. I. Ереван : АН АрмССР, 1964.
2. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетей, 2007.
3. *Вагабова Эмира Рагим кызы*. Азербайджан и Россия: от колониальной политики к сотрудничеству // Современная научная мысль. 2013. № 1. С. 22–33.
4. *Вартаньян Э. Г.* Вхождение Закавказья и Северного Кавказа в состав России: проблемы историографии // Политика России на Кавказе в прошлом и настоящем: документальная база, интерпретации и противодействие фальсификации истории: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2013. С. 5–18.

¹Саркисян: у Армении реальное стратегическое партнерство с Россией // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/interview/20090619/174851187.html> 14609105842644&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration (дата обращения: 21.07.2016).

5. Гончаров П. К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2.
6. Дашкевич В. В. Развитие идеи «социального государства» // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 204–210.
7. Каргалова М. В., Егорова Е. Н. Социальное измерение европейской интеграции. М. : Аксиом, 2010. 288 с.
8. Минченко Е., Маркедонов С., Петров К. Оценка политических рисков в регионе Закавказья (Южного Кавказа). Доклад [Электронный ресурс]. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Political%20risks%20in%20the%20South%20Caucasus%20region.pdf (дата обращения: 21.07.2016).
9. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Грамота. 2012. № 10 (24): в 2 ч. Ч. I. С. 158–162.
10. Хоруженко К. М. Культурология: Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997.
11. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999.

References

1. *Armenian-Russian relations in the first third of the 18th century* [Armyano-russkie otnosheniya v pervoi treti XVIII veka]. Vol. II, p. I. Yerevan : AS ArmSSR. 1964. (rus)
2. Bourdieu P. *Sociology of social space* [Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva]. M. : Institute of experimental sociology [Institut eksperimental'noi sotsiologii]; SPb. : Alethea, 2007. (rus)
3. Vagabova Esmira Ragim kyzi. *Azerbaijan and Russia: from colonial policy to a cooperation* [Azerbaidzhan i Rossiya: ot kolonial'noi politiki k sotrudnichestvu] // Modern scientific thought [Sovremennaya nauchnaya mysl']. 2013. N 1. P. 22–33. (rus)
4. Vartanyan E. G. *Inclusion of Transcaucasia and the North Caucasus in structure of Russia: historiography problems* [Vkhozhdenie Zakavkaz'ya i Severnogo Kavkaza v sostav Rossii: problemy istoriografii] // Policy of Russia in the Caucasus in the past and the present: documentary base, interpretations and counteraction of falsification of history [Politika Rossii na Kavkaze v proshlom i nastoyashchem: dokumental'naya baza, interpretatsii i protivodeistvie fal'sifikatsii istorii]: materials of Russian Scientific and practical conference. Krasnodar : Kuban State University [Kubanskii gos. un-t], 2013. P. 5–18. (rus)
5. Goncharov P. K. *Social state: essence and principles* [Sotsial'noe gosudarstvo: sushchnost' i printsipy] // Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Ser.: Political science [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Politologiya]. 2000. N 2. (rus)
6. Dashkevich V. V. *Idea of «the social state» development* [Razvitie idei «sotsial'nogo gosudarstva»] // Humanitarian and social sciences [Gumanitarnye i sotsial'nye nauki]. 2010. N 4. P. 204–210. (rus)
7. Kargalova M. V., Egorova E. N. *Social measurement of the European integration* [Sotsial'noe izmerenie evropeiskoi integratsii]. M. : Axiom, 2010. (rus)
8. Minchenko E., Markedonov S., Petrov K. *Assessment of policy risks in the region of Transcaucasia (South Caucasus)* [Otsenka politicheskikh riskov v regione Zakavkaz'ya (Yuzhnogo Kavkaza)]. Report [An electronic resource]. URL: http://www.minchenko.ru/netcat_files/File/Political%20risks%20in%20the%20South%20Caucasus%20region.pdf (rus)
9. Remizova M. N. *Interpretation of the concept «sociocultural space» of classical sociology* [Interpretatsiya ponyatiya «sotsiokul'turnoe prostranstvo» v klassicheskoi sotsiologii] // Letter [Gramota]. 2012. N 10 (24): in 2 parts. P. I. P. 158–162. (rus)
10. Horuzhenko K. M. *Cultural science: Encyclopedic dictionary*. Rostov-on-Don : Phoenix, 1997. 640 p. (rus)
11. Yatsenko N. E. *Explanatory dictionary social science terms* [Tolkovyi slovar' obshchestvenno-dresheskikh terminov]. SPb. : Lan, 1999. (rus)